
ТРАНСПЕРСОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Э.М. Спирова

СИМВОЛ В ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Аннотация: появление трансперсональной психологии радикально изменило толкование символа. Выявились философско-антропологические глубины этого понятия, обнаружилось возможности его толкования в связи с перинатальным опытом. Вместе с тем углубились и представления о трансцендентном характере символа. В трансперсональных переживаниях мы научились отождествляться с другими людьми, с различными животными, растениями и элементами неорганического мира. Так открылось новое знание самих себя, других людей, природы и космоса, глубокое понимание бессознательных движущих сил нашей психики.

Ключевые слова: философия, психология, человек, бессознательное, символ, архетип, образ, матрица, мифология, переживания.

Понятие символа имело чрезвычайное значение для мистической духовной традиции. «Чувствование стройности, гармоничности и закономерности среди множественности явлений природы, отмечается в «Великих арканах Таро», выливается постепенно в объектирование ряда отдельных комплексов понятий и представлений, которые, не выходя из среды общего сознания, уже намечают будущее русло его деятельности, становятся прототипами дальнейших конкретных утверждений. С развитием человека, каждый из этих комплексов из более или менее случайной группировки элементов претворяется в нечто целое, выявляет свой результирующий девиз, само по себе становится сознательной единицей существа человека в виде вполне определенного понятия — символа целостной совокупности его составляющих тональностей»¹.

При возникновении общения между людьми, при появлении разговорной речи эти символы начинают терять свою обособленность, свой чисто индивидуальный характер. Но однако при этом продолжают оставаться условно принятыми обозначениями различных явлений. Каждое слово, выражающее то или иное душевное состояние, является символом. Под символизмом В. Шмаков подразумевал не самое внешнее обнаружение символа, запечатленное тем или иным образом. Символ как таковой, сам по себе, в силу своей собственной конституции, вызывает в

сознании встретившегося с ним человека ту самую систему представлений и в той же последовательности. Язык символа есть истинный, всемирный, всечеловеческий язык, одинаково доступный для всех времен и всех народов.

Символ воспринимается тем не менее разными людьми с различной глубиной и с различными оттенками. В мистической литературе уподобление ангелов и растений весьма распространено. Каббала, к примеру, утверждает, что ангелы (как первообразы) находятся за пределами эволюции и потому недвижны. Она отрицает возможность независимого проявления ангелов, не признает за ними свободы воли, самостоятельность решений. Ангелы — это первообразы, а ясное сближение и даже отождествление ангелов с растениями раскрывается в учении о рае. «Мистическое сознание воспринимает Небо, Престол Божий как совокупность драгоценных кристаллов, то есть кристаллов наиболее чистых и выявленных. Так возникает антиномии столь известных мистических символов «камня» и «растения»².

Эти идеи единства всего сущего на Земле свойственны и трансперсональной психологии. С. Гроф отмечает, что в трансперсональных состояниях возникает полное отождествление с различными животными формами. Будь то млекопитающие, низшие позвоночные или беспозвоночные (насекомые, моллюски и медузы), во всех случаях не утрачивается образ тела.

---

¹ Великие арканы Таро. Опыт комментария Владимира Шмакова. Киев, 1994.

---

² Шмаков В. Закон синархии. Учение о двойственности иерархии монад и множеств. Киев, 1994. С. 83.

Ощущения отличаются высокой подлинностью. Они всегда специфичны, уникальны для данного вида и обычно превосходят все, на что может быть способна фантазия неинформированного человека. «Подобно опыту коллективного и расового бессознательного, этот опыт дает большое количество точной информации, резко превышающее образовательный уровень вовлеченных в него людей»³.

Трансперсональная психология, как уже очевидно, опирается на психологию К. Юнга, Р. Ассаджиоли, О. Ранка. Некоторые категории трансперсональной сферы опыта психология Юнга исследовала очень подробно, но при этом совсем опустила другие. Среди областей, открытых и серьезно изученных Юнгом и его последователями, — динамика архетипов и коллективного бессознательного, мифотворческие свойства психики, определенные типы медиумических явлений и синхронные связи психологических процессов с объективной реальностью.

Но нет, по-видимому, полного признания тех трансперсональных переживаний, которые опосредуют связь с различными аспектами материального мира. Сюда относится, например, аутентичное и символическое отождествление с другими людьми, животными, растениями и с неорганическими процессами, а также опыт исторических, филогенетических, геофизических, астрономических событий, в котором возможен доступ к мировой информации о различных аспектах «объективной реальности».

С. Гроф выражал удивление, что Юнг, хотя и обнаружил большие познания в восточных религиозных философиях, тем не менее не обратил внимания на явления, которые связаны с прошлыми воплощениями, а это, по мнению С. Грофа, имеет ключевое значение в глубинной эмпирической психотерапии. Между тем первый фундаментальный принцип доктрины касается эсхатологического контекста, немислимых без символики. Вера в переселение душ влечет за собой космологию бесконечных актов разрушения и периодических созидательных актов. Трансперсональная психология показывает, что ответственность, возлагаемая на человека в каждой «жизни», есть, таким образом, ответственность за свои акты (это находит странное эхо в сартровских теориях свободы): вот почему все действия списываются в предназначение и складываются в итоге: не может быть и речи о последнем раскаянии. Такая археология реинкарнации — этика полной ответственности.

Первая необычайная черта кармических переживаний — их предельная символичность. Они полу-

чают точную информацию о различных исторических периодах, культурах и даже конкретных исторических событиях, которую человек не мог получить по обычным каналам. Порой точность подобной информации поддается верификации и подтверждается в самых различных подробностях. Вторая примечательная черта таких переживаний — их глубинная связь с различными проблемами, как в сфере эмоций, так и психосоматических, на личностном и межличностном уровне⁴.

Последнее серьезное различие между анализом Юнга и трансперсональной психологией в ориентации последней на непосредственный глубинный опыт с психологическими и актуальными соматическими характеристиками. Хотя биологический компонент наиболее ярко проявляется в связи с перинатальными явлениями, разнообразные переживания биографического и трансперсонального характера могут сопровождаться значительными соматическими признаками: специфические позы, движения и звуки, сопровождающие отождествление с животными, «маска зла», связанная с демоническим архетипом.

Картография личности и связанная с нею символика имеет некоторое сходство с моделью Юнга, так как включает духовные области и коллективные элементы психики. Система это сложна и складывается из семи динамических составляющих. Низшее бессознательное управляет базовыми инстинктивными потребностями и эмоциональными комплексами. Среднее бессознательное, ассимилирующее опыт, прежде чем оно достигнет сознания, соответствует в общих чертах подсознанию Фрейда. Сфера сверхсознания — местонахождение высших чувств и способностей, таких, например, как интуиция и вдохновение. Поле сознания включает анализируемые чувства, мысли и побуждения. О точке ясного осознания говорится как о сознательной самости, а высшая самость — это тот аспект индивидуальности, которые существуют отдельно от сознания ума и тела. Все эти компоненты входят в коллективное бессознательное и заряжают его мощной символикой

Трансперсональная психология рассматривает также учение о символах Отто Ранка. В ранних работах, написанных под влиянием Фрейда, стремился с позиции психоанализа истолковать процесс художественного творчества, мифологию, символику и т.п. В основном сочинении «Травма рождения» (1924) выдвинул собственную психологическую концепцию, в которой решающим фактором развития выступает

³ Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. СПб., 2001. С. 245.

⁴ См. об этом: Гроф С. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М., 2007.

страх, вызванный травмой рождения. Что касается значимости родовой травмы в психологии, то сам Фрейд первым обратил внимание на то, что она может быть прототипом и источником всех будущих тревог и беспокойства. Он рассматривал этот вопрос в ряде своих работ, но отказался принять резкие суждения Ранка по этому поводу. И еще одно серьезное различие в отношении родовой травмы у Фрейда и Ранка: Фрейд выделял в качестве источника тревоги экстремальные физиологические трудности в процессе рождения, а Ранк связывал тревогу с отделением от материнской матки, то есть от райского состояния, в котором все потребности удовлетворялись сразу и без приложения каких-либо усилий.

Ранк рассматривал родовую травму в качестве первопричины того, что разлука воспринимается как самое болезненное и пугающее человеческое переживание. По его мнению, во всех более поздних фрустрациях частичных влечений можно узнать производные этой первой травмы. Большинство событий, которые индивид переживает как травматические, обязаны своей патогенностью сходству с биологическим рождением. Весь период детства можно рассматривать как ряд попыток отреагировать эту травму и психологически справиться с ней. Детскую сексуальность можно интерпретировать как желание ребенка вернуться в матку, тревогу по этому поводу, любопытство по поводу того, откуда он появился на свет.

Но Ранк на этом не остановился, он посчитал, что вся ментальная жизнь человека зарождается в первичной тревоге и в первичном вытеснении, ускоренном родовой травмой. Центральный человеческий конфликт происходит из желания вернуться в матку и сопутствующего этому желанию страха. В результате любая смена приятной ситуации неприятной будет вызывать чувство тревоги. Ранк также предложил объяснение сновидений, отличающееся от интерпретации Фрейда. Состояние сна сходно с внутриматочной жизнью, а сновидения можно рассматривать как попытки заново пережить родовую травму и вернуться в пренатальную ситуацию. И они даже в большей степени, чем само состояние сна, представляют психологическое возвращение в матку. Анализ сновидений самым надежным образом подтверждает психологическое значение родовой травмы. Подобно этому, и Эдипов комплекс — краеугольный камень теории Фрейда — перетолковывается с акцентом на родовой травме и желании вернуться в матку. В сердцевине мифа об Эдипе лежит тайна происхождения человека, которую Эдип пытается разгадать, возвращаясь в материнское чрево. Это происходит не только буквально, путем женитьбы на матери и полового акта с нею, но и символически,

когда слепой герой исчезает в расщелине, ведущей в преисподнюю.

По психологической теории Ранка родовая травма в сексуальности играет ключевую роль, основанную на глубоком, управляющем всей психикой желании индивида вернуться к внутриматочному существованию. Различия между полами можно по большей части объяснить тем, что женщина способна повторять репродуктивный процесс в собственном теле и находить свое бессмертие в деторождении, тогда как для мужчины секс символизирует смертность, и поэтому его сила лежит в несексуальной созидательности.

Анализируя общечеловеческую культуру, Ранк пришел к выводу, что травма рождения является мощной психологической силой, лежащей в основе религии, искусства и истории. Любая форма религии в пределе стремится к воссозданию исходной поддерживающей и защищающей первоситуации симбиотического союза в чреве матери. Глубочайшие корни искусства уходят в «аутопластическую имитацию» выращивания и высвобождения из материнского чрева. Представляя реальность и одновременно отрицая ее, искусство является особенно мощным средством психологической адаптации к этой первичной травме. История человеческих жилищ, начиная с поисков примитивного крова и кончая сложными архитектурными сооружениями, отражает инстинктивное воспоминание о матке — о теплом, защищающем от опасностей убежище. Использование боевых средств и вооружения основано при самом тщательном рассмотрении на неукротимом стремлении проложить дорогу в чрево матери.

Представители трансперсональной психологии поддерживают концепцию Ранка. Ключевым моментом в сложной динамике процесса смерти-возрождения является переживание биологической родовой травмы. Хотя представления Ранка о природе этой травмы, считает С. Гроф, не совсем совпадают с данными, полученными в исследованиях с психоделиками, многие из его выводов могут иметь огромную ценность, когда речь идет о переживаниях на перинатальном уровне. По этой причине Гроф называет эту стадию психоделической терапии «ранкианской»; что, впрочем, не совсем точно отражает клиническую картину, поскольку процесс смерти-возрождения включает гораздо больше, чем просто переживание биологического рождения⁵.

Системе Ранка так же недостает настоящего понимания трансперсональной сферы, как и у Фрейда, Адлера и Райха. Но несмотря на все эти недостатки,

⁵ Гроф С. За пределами мозга. М., 2001. С. 158.

установленная Ранком психологическая релевантность родовой травмы и ее многочисленных последствий была действительно выдающимся достижением, на несколько лет предвосхитившим результаты исследований с применением ЛСД.

По мнению трансперсоналистов, перинатальный уровень бессознательного представляет собой важное пересечение индивидуального бессознательного с коллективным, традиционной психологии с мистицизмом или с трансперсональной психологией. Этим определяется и богатство символического материала, который обнаруживается в опытах холотропного дыхания. Переживания смерти и нового рождения, отражающие перинатальный уровень бессознательного, весьма разнообразны и сложны. Проявляется такой опыт в четырех типичных паттернах или конstellациях переживаний, которые глубоко соответствуют четырем клиническим стадиям биологического рождения.

Для теории и практики символизации оказались весьма полезным вводить существование гипотетических динамических матриц, управляющих процессами, которые относятся к перинатальному уровню. Они, как известно, называются базовыми перинатальными матрицами.

Перинатальное развертывание часто ассоциируется и с разнообразными трансперсональными элементами — такими, как архетипические видения Великой Матери или Ужасной Богини-матери, Ада, Чистилища, Рая или Царства Небесного, мифологических и исторических сцен, идентификация с животными и опыт прошлых воплощений. Как и в различных слоях СКО (система конденсированного опыта), связующее звено здесь — одинаковое качество эмоций, телесных ощущений и схожие обстоятельства.

Каковы же символические аспекты первой перинатальной матрицы? Безмятежное внутриматочное состояние может сопровождаться другими переживаниями, для которых свойственно отсутствие границ и препятствий, например, океаническое сознание, водные формы жизни (кит, рыба, медуза, анемон или водоросли) или пребывание в межзвездном пространстве. Картины природы в ее лучших обнаружениях (Мать-природа), прекрасные, мирные и изобильные, также характерным и вполне логичным образом сопутствуют блаженному состоянию ребёнка в утробе. Из архетипических образов коллективного бессознательного, которые доступны в этом состоянии, нужно выделить видения Царства Небесного или Рая в представлении различных мировых культур. Опыт первой матрицы включает в себя также элементы космического единства или мистического союза.

Вторая перинатальная матрица имеет иной символический характер. Этот эмпирический паттерн относится к самому началу биологического рождения, к его первой клинической стадии. Здесь исходное равновесие внутриматочного существования нарушается вначале тревожными химическими сигналами, а затем мышечными сокращениями. При полном развертывании этой стадии плод периодически сжимается маточными спазмами, шейка матки закрыта и выхода еще нет.

Как и в предыдущей матрице, эту биологическую ситуацию можно пережить снова вполне конкретным и реалистическим образом. Символическим спутником начала родов служит переживание космической поглощенности. Оно состоит в непреодолимых ощущениях возрастающей тревоги и в осознании надвигающейся смертельной опасности. Источник опасности ясно определить нельзя, и индивид склонен интерпретировать окружающий мир в свете параноидальных представлений. Очень характерны для этой стадии переживания трехмерно спирали, воронки или водоворота, неумолимо затягивающих в центр. Эквивалентом такого сокрушительного вихря является опыт, в котором человек чувствует, как его пожирает страшное чудовище — например, гигантский дракон, левиафан, питон, крокодил или кит. Также часты переживания, связанные с нападением ужасного спрута или тарантула. В менее драматичном варианте то же испытание проявляется как спуск в опасное подземелье, систему гротов или таинственный лабиринт. По-видимому, в мифологии этому соответствует начало путешествия героя, родственные религиозные темы — падение ангелов и изгнание из рая.

Опыт космического поглощения относится к самому началу биологического родового акта, когда равновесное внутриутробное состояние начинает изменяться: сначала в химическом отношении, а потом и из-за схваток. Обычно эта стадия ассоциируется с ошеломляющим по интенсивности ощущением нарастающего беспокойства и чувства надвигающейся угрозы для жизни.

Источник этой надвигающейся опасности не удается точно определить, поэтому люди, попавшие в подобное затруднительное положение, зачастую склонны интерпретировать свое непосредственное окружение и весь мир с параноидальных позиций. Они часто ощущают себя отравленными, говорят, что на них пагубно влияют тайные организации, обитатели других планет и колдуны. Они также субъективно чувствуют вредные энергии, присутствие ядовитых газов и смертоносного излучения или полагают, что находятся под воздействием неких дьявольских машин или других устройств.

Дальнейшее нарастание тревоги и беспокойства обычно сменяет ощущение втягивания в водоворот, неумолимо засасывающий как саму личность, так и весь ее мир. Частной вариацией подобного всеобъемлющего поглощения является пожирание устрашающим архетипическим чудовищем. Другой формой того же переживания выступает мотив нисхождения в преисподнюю и встречи с разнообразными опасными тварями или сущностями. Он хорошо известен по шаманским преданиям, мифам о странствиях героев и духовным писаниям.

В национальной и религиозной мифологиях мы нередко встречаем образы «героев с тысячью лицами» (Дж. Кемпбелл) — сверхчеловеков, действующих по схеме: опасное рождение — исход — инициация — возвращение или подвиги — гибель — воскресение. Спаситель народа, воскресая, побеждает врагов и приносит людям триумф и изобилие. Когда жизнь народа совсем беспросветна, образ Спасителя принимает зачастую духовный характер: мнимо погибнув от рук врагов, он затем является или воскресает в образе странствующего духовного учителя или судии в царстве мертвых.

Таким образом, социальная мифология имеет все шансы опираться на то богатство сюжетов, которые выявил Юнг в своих многочисленных работах, посвященных этой теме. В политической мифологии постоянно присутствует образ харизматического героя, тайного помазанника небес, пострадавшего или как бы «погибшего за своей народ» от его врагов, но чудесно восстановившего великое государство (то или иное) и духовно воплощающегося в каждом своем преемнике на троне.

Мифологически мотив героя соотносится с бессознательной самостью человека, а сам герой выступает как квази-человеческое существо, символизирующее идеи, формы и силы, которые создают или захватывают душу. Целью героя является обретение сокровища, принцессы, кольца, золотого яйца, эликсира жизни и т.д. Психологически все эти обретения выступают как метафоры подлинных чувств и уникального человеческого потенциала.

Герой символизирует бессознательную самость человека, и это проявляет себя эмпирически, как общая сумма всех архетипов, и поэтому включает архетип отца и мудрого старца. В известной степени герой выступает как собственный отец и как свой собственный родитель⁶.

Переживание космического поглощения, как правило, переходит в состояние безысходного заточения, попадания в ловушку. Подобный тип переживаний

соответствует стадии полностью развернувшейся родовой деятельности, когда матка при сокращении охватывает плод, что приводит его к всеобщему сдавливанию. В этой стадии шейка матки еще не раскрыта и путь наружу еще не готов. В холотропных состояниях этот тип опыта характеризуется потерей восприятия цвета и резким потемнением зрительного поля. Возникает чувство заточенности, заключения в стесненный, клаустрофобный мир, страшное психическое и физическое страдание.

Утрата линейного восприятия времени, сопровождающая это состояние, делает страдания бесконечными, а их интенсивность наводит на мысль об аде и адских муках. Ужас, испытываемый в этом состоянии, крутится вокруг трех тем — безумия, смерти и невозможности вернуться назад. Под влиянием этой матрицы жизнь и само существование в целом представляется абсолютно бессмысленными, все позитивные стороны перестают восприниматься.

Символика, наиболее часто сопровождающая данное переживание, включает в себя видения и изображения ада из разных культурных контекстов. Наиболее важной характерной чертой, которая отличает данную стадию от третьей, о которой пойдет речь, является концентрация на роли жертвы и представления неизбывности и вечности мучения — ничто не сулит никакого избавления ни в пространстве, ни во времени. Многие известные мистики, такие, как св. Тереза из Авилы или Иоанн Креститель, испытывали сильнейшие страдания, которые имеют много характерных черт этой матрицы. Именно эта матрица обуславливает то, что известно из духовной литературы, такой, как «Темная ночь души».

Данная матрица также имеет важную связь с экзистенциальной философией и театром абсурда. Индивиду, которые находятся под влиянием этой матрицы, становятся слепы ко всему позитивному в собственной жизни и человеческим существованием в целом. Связь с духовным измерением представляется безвозвратно утраченной. Через призму такой матрицы вся жизнь представляется бессмысленным театром абсурда. В таком состоянии ума лишь экзистенциальная философия кажется единственно адекватной при описании бытия. Интересно в этом отношении, что на работы Ж.-П. Сартра оказал глубокое влияние плохо проходивший сеанс принятия мескалина при доминировании данной матрицы. Озабоченность Сэмюэля Беккета проблемами смерти и рождения и его поиски Матери также указывают на сильное воздействие данной матрицы.

Многие аспекты данной матрицы, считает С. Гроф, могут быть поняты, если мы соотнесем ее со второй стадией родов. В этой фазе, а ей соответствует третья пе-

⁶ Исмиева В.М. Проблема социального героя в философии К.Г. Юнга: Дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. М., 2006. 186 с.

ринатальная матрица, схватки продолжаются, но шейка матки широко раскрывается. Это период постепенного продвижения по родовому каналу, сильного сдавливания, борьбы за выживание и очень часто сильного удушья. На заключительных этапах родов плод может соприкоснуться с различными субстанциями, такими, как кровь, слизь, околоплодные воды. С точки зрения переживания, данная матрица довольно сложна и имеет несколько важных граней: атмосферу и дух титанической борьбы, эпизоды садомазохизма, интенсивное сексуальное возбуждение, скатологические элементы и мотив очистительного огня (пирокатарсис).

Титанический аспект данной матрицы понятен, если учесть запредельные усилия, действующие на финальной стадии рождения ребёнка. Когда мы сталкиваемся с данным аспектом третьей матрицы, то ощущаем потоки энергий чрезвычайной интенсивности, пронзающие по телу и накапливающиеся до взрывной разрядки. Сила происходящего сопоставима с бушеванием стихий — извержением вулкана, грозными разрядами, землетрясением, проливными волнами или торнадо.

Подобный опыт может также быть описан словами, относящимися к техносфере и подразумевающими использование громадных энергий — как в танках, ракетах, космических кораблях, лазерах, электростанциях или даже термоядерных реактора и атомных бомбах. Титанические переживания этой матрицы могут достигать глубинных архетипических уровней и проявляться в образах сражений циклопических масштабов, таких, как космические войны между силами Света и Тьмы; ангелами и демонами или богами и титанами.

Агрессивные и садомазохистские аспекты данной матрицы отражают яростную реакцию живого организма на угрожающее его существованию удушье, а также на неостановимый натиск маточных сокращений. Сталкиваясь с этой стороной третьей матрицы, мы можем поиметь опыт запредельной жестокости, которая проявляется в сценах диких убийств и резни в разных формах и видах, кровавых войн и революций. Нередки переживания пыток, казней, ритуальных жертвоприношений и самопожертвований, кровавых схваток один на один и садомазохистских действий.

Логика переживания сексуального аспекта процесса смерти-возрождения не лежит на поверхности. По-видимому, человеческий организм имеет встроенный физиологический механизм, который транслирует нечеловеческие по своей интенсивности страдания, в особенности связанные с удушением, в странную разновидность сильного сексуального возбуждения и в конечном счете в иступленный экстаз. Это может быть проиллюстрировано опытом мучеников и самобичева-

телей, описанным в материалах по концентрационным лагерям, в воспоминаниях военнопленных и файлах «Эмнисти Интернешнел». Также широко известно, что у мужчин, казненных через повешение, часто происходила эрекция и даже семяизвержение.

Сексуальные переживания, испытываемые при третьей матрице, характеризуются чрезвычайной интенсивностью сексуального влечения в его, так сказать, механическом, всеядном аспекте, а также потребительском, порнографическом или извращенном свойстве.

При этом в сознании встают сцены из кварталов "красных фонарей" самого низменного характера, всевозможных экстравагантных эротических обычаев и садомазохистских комплексов. Также часто встречаются эпизоды инцеста, сексуальных издевательств и изнасилований. В редких случаях образность третьей матрицы может включать в себя кровавые эксцессы криминальной сексуальности — убийства на сексуальной почве, расчленения, каннибализм и некрофилию. Такое происходит во время психоделического сеанса с применением препаратов в больших дозах у тех личностей, которые вновь переживают свое крайне тяжелое рождение, поставившее их на край смерти.

Тот факт, что на этом уровне психики сильное сексуальное возбуждение сложным образом связывается с очень проблемными ситуациями — угрозой жизни, крайне опасным состоянием, чувством мучительного беспокойства, агрессией, саморазрушительными импульсами, физической болью и соприкосновением с биологическими тканями — образуют естественную основу для развития наиболее существенных видов половых дисфункций, девиаций и извращений.

Демонический аспект третьей матрицы может представлять особую проблему как для пациентов, проходящих сеанс, так и для терапевтов и помощников — фасилитаторов. Сверхъестественная и жуткая природа видений и образов, присущих данной стадии, часто ведет к нежеланию сталкиваться с ними и тем более принимать их. Наиболее часты в этом контексте сцены наподобие шабаша ведьм (как в Вальпургиевой ночи), сатанинских оргий и обрядов черной мессы, искушений дьявольскими силами. Объединяет этот период родов с темами шабаша или черной мессы переживание своеобразного сплава смерти и искаженных духовных импульсов. Эти наблюдения представляются важными в связи с популярностью сатанинских культов.

Скатологический аспект процесса смерти-возрождения имеет свое естественное обоснование в том медицинском факте, что на финальной стадии рождения ребёнка весьма вероятен его контакт с различными биологическими тканями и выделениями — кровью, иногда даже экскрементами. Однако природа и содержание

этих переживаний выходят далеко за рамки того, что новорожденный может почувствовать во время родов. В крайних проявлениях опыт этого аспекта третьей матрицы может включать такие сцены, как ползание в нечистотах и в канализационных системах, вываливание в экскрементах, питье крови или мочи или видения отталкивающих сцен разложения. Это непосредственное и ошеломляющее столкновение с самыми отталкивающими сторонами биологического существования.

Когда опыт стадий третьей матрицы близится к своему разрешению, он становится менее неистовым и приводящим в замешательство. Преобладает атмосфера чрезмерно сильной страсти и куда-то влекущей пьянящей энергии. Образность видений этой фазы дает картины возбуждающегося захвата новых территорий, охоты на диких животных, спортивных состязаний и приключений в парках аттракционов. Эти переживания очевидным образом связаны с теми видами активности, которые подразумевают «выброс адреналина» — автомобильные гонки, прыжки с высоты вниз головой на упругом канате, опасные цирковые номера, акробатические прыжки в воду с вышки.

В этой фазе мы можем также видеть архетипические фигуры богов, полубогов и легендарных героев, являющих собой силы смерти и возрождения. Возможны видения Иисуса Христа, его страстей, крестного пути и распятия, даже с опытом полной идентификации со страданиями Иисуса. Вне зависимости от того, знакомы ли нам мифологии соответствующих народов, мы можем пережить опыт возрождения египетского бога Осириса или же гибель и возрождение греческих богов Диониса, Аттиса или Адониса. Перед нами может развернуться похищение Персефоны Плутонием, нисхождение в подземный мир шумерской богини Инанны или испытания героев-близнецов народа майи из «Пополь-Вух».

Непосредственно перед переживанием психодуховного возрождения нередко происходит встреча с огнем как первоэлементом. Мотив огня может проявляться в его обычной повседневной форме, так и архетипической форме очистительного огня. Могут возникать ощущения, что огонь охватывает тело, могут представиться видения горящих городов и лесов или произойти отождествление себя с тем, кого приносят в жертву. В архетипической версии представляется, что пламя испепеляет все испорченное, пагубное в нас и подготавливает таким образом к новому рождению. Классический символ перехода от стадии третьей матрицы к четвертой матрице — легендарная птица Феникс, которая погибает в огне и воскресает из пепла.

Символические обнаружения огня хорошо переданы в поэзии Максимилиана Волошина, «плоть чело-

века — свиток, на котором отмечены все даты бытия»⁷.
Какие же?

*«Кровь — первый знак земного мятежа,
А знак второй раздутый ветром факел»
«Путем огня он шел через природу»
Взыскательный ваятель
Смывал лица земли и вновь творил
Обличия и формы.*

Человек

*Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке⁸.
Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец — невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав.
И есть огонь пожаров и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведъм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометей,
Зажженный им от громовой стрелы⁹.*

Костер из зверя выжег человека...

Пещера стала храмом.

*Трапеза таинством, огнище — алтарем,
домашний обиход — богослуженьем.*

*А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра и золота, из бронзы:*

Гражданский строй, религия, семья.

Тысячелетия огненной культуры

Прошли с тех пор, как первый человек

Построил кровлю над гнездом Жар-Птицы,

И под напевы огненных Ригвед

Праманта — пестик в деревянной лунке,

Вращавшийся на жилой тетиве, —

Стал знаком своеволья, —

Прометеем.

И человек сознал себя огнем,

Заклепанным в темницу тесной плоти.

⁷ Волошин Максимилиан. Огонь // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М., 1992. С. 204.

⁸ Там же. С. 205.

⁹ Там же.

Мучительный и отчаянный процесс родовых усилий достигает своей кульминации, продвижение по родовым путям приближается к концу, роды завершаются резким облегчением и расслаблением. После обрезания пуповины физическое разделение с матерью завершается, и новорожденный ребёнок начинает свое новое собственное существование как анатомически отдельный организм. Во время переживания этого периода мучения и боль достигают момента полного уничтожения на всех уровнях — физическом, эмоциональном, интеллектуальном, моральном и трансцендентном. Обычно такое состояние обозначают как «смерть эго» во время которой одновременно уничтожаются все прежние ориентиры личности. Среди наркоманов и алкоголиков подобное состояние носит название «достичь дна». Для многих из них именно этап точка послужила поворотным пунктом в жизни.

В тех случаях, когда переживание опыта появления на свет во время родов не было затуманено сильной анестезией, вслед за ощущением полной аннигиляции

возникает видение ослепительно белого или золотистого света, а также форм самых радужных цветов. Чувство снятия напряжения и раскрытия приводит к ощущению психодуховного возрождения. Архетипическая область психики зачастую дополняет данную матрицу встречей с богинями, представляющими облик Великой праматери, и благосклонными божеествами разных культур, предстающими в сверкающем свете. Универсум воспринимается как неопределимо прекрасный и лучезарный. Возникает чувство собственной чистоты и освященности. В религиозных понятиях переживание этого опыта может быть описано как искупление, спасение, второе рождение или единение с Богом. Такой тип восторга, ассоциирующийся с особым восприятием космической сопричастности, можно назвать прометеевским или эпифаническим экстазом.

Трансперсональная психология открывает новые ресурсы для изучения богатейшего опыта символизации. Она позволяет выявить символическую природу человеческих переживаний.

Список литературы:

1. Великие арканы Таро. Опыт комментария Владимира Шмакова. Киев, 1994.
2. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. СПб., 2001. С. 245.
3. Гроф С. Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М., 2007
4. Гроф С. За пределами мозга. М., 2001. С. 158.
5. Исмиева, В. М. Проблема социального героя в философии К.Г. Юнга: Дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13. М., 2006. 186 с.
6. Шмаков В. Закон синархии. Учение о двойственности иерархии монад и множеств. Киев, 1994. С. 83.